

АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

misterium

РУТ РЕНДЕЛЛ

**ЗАСТИГНУТЫЙ
ВРАСПЛОХ**

РУТ РЕНДЕЛЛ – ЛУЧШАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ.

Time

ЭКСМО

Старший полицейский инспектор Вексфорд

Рут Ренделл

Застигнутый врасплох

«ЭКСМО»

1970

Ренделл Р.

Застигнутый врасплох / Р. Ренделл — «Эксмо»,
1970 — (Старший полицейский инспектор Вексфорд)

ISBN 978-5-699-61858-3

Элизабет Найтингейл, хозяйка поместья, богатая, красивая и уважаемая в обществе, найдена убитой. Кто же смог поднять руку на женщину, у которой, казалось, не было врагов? Таким вопросом задавался инспектор Вексфорд, начиная расследование. Однако он быстро убедился в том, что дело гораздо сложнее, чем представлялось ему поначалу. Муж Элизабет вполне мог ревновать супругу к потенциальному любовнику; ее брат постоянно выказывал ненависть к сестре, а его жена даже имела заинтересованность в смерти Элизабет – ведь та завещала ей все свои драгоценности. Да и соседи, оказывается, по-разному относились к покойной. Сплошные загадки! Но менее всего инспектор мог представить, что раскрыть тайну смерти Элизабет сможет лишь тот, кто знаком с жизнью и творчеством поэта-романтика Уильяма Вордсворта...

ISBN 978-5-699-61858-3

© Ренделл Р., 1970

© Эксмо, 1970

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рут Ренделл

Застигнутый врасплох

Ruth Rendell

A GUILTY THING SURPRISED

Copyright © 1970 by Ruth Rendell.

First published by Hutchinson. The Author has asserted her right to be identified as the author of the Work

© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство “Эксмо”», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моему кузену Майклу Ричардсу,
с любовью*

*...высокая свобода,
Пред ней же наша смертная природа
Дрожит, как вор, застигнутый врасплох; —
Но ради той, полузабытой,
Той, первой, — как ни назови —
Тревоги, нежности, любви,
Что стала нашим светом...*
Уильям Вордсворт¹

¹ Ода «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства». (Перевод Г. Кружкова.)

Глава 1

По утрам, когда Квентин Найтингейл уезжал из дома в Лондон, жена обычно спала. Экономка кормила его завтраком, отпирала входную дверь, подавала шляпу и зонт, а девушка-иностранка, помогавшая по хозяйству, приносила газету. Далее по пути ему встречались два садовника, почтительно приветствовавшие хозяина: «Доброе утро, сэр», а иногда шурин, спешивший укрыться в тишине и покое Старого дома, служившего писателю надежным убежищем. Не хватало лишь Элизабет, но если Квентина это и беспокоило, виду он не подавал. Бодрой, уверенной походкой счастливого человека он шел к машине.

В то утро в начале сентября все шло своим чередом, если не считать того, что зонт Квентину не понадобился. Фигуры садовников поместья Майфлит окутывал золотистый туман, предвещавший чудесный день. Квентин спустился по каменным ступенькам парадного крыльца и ненадолго задержался у кустов – напомнить Уиллу Палмеру, что пора подкормить махровые хризантемы, которые они выращивали для выставки цветов в Кингсмаркхэме. Затем пошел по дорожке во внутренний двор между старыми каретными сараями, где его ждала машина, ветровое стекло которой только что тщательно протер Шон Ловелл.

«Еще рано», – подумал Квентин и не стал садиться в машину, а подошел к невысокой стене и окинул взглядом долину Кингсбрук. Пейзаж, как всегда, радовал глаз. Других домов почти не видно, только луга – зеленые и недавно скошенные, отливавшие бледным золотом; извилистая тоненькая река под пологом из ив; низкие округлые холмы с венчиками деревьев на вершинах, а там, слева, по другую сторону дороги, огромный сосновый лес. Он укрывал целую гряду холмов и этим туманным утром походил на темный бархатный плащ, небрежно наброшенный на пейзаж. Квентин всегда был равнодушен к лесу, всегда подыскивал для него романтические метафоры. Иногда он видел перед собой не лес и не бархатный плащ, а прикинувшегося к земле зверя, который охранял спящие поля, а расходившиеся в разные стороны посадки представлялись ему раскинутыми лапами, мощными и надежно защищавшими от беды.

Квентин перевел взгляд на свой парк, потом на пространство перед домом с ровными, окутанными туманом лужайками и многочисленными розами, поблекшими в утренней дымке. «Не срезать ли розу «Айсберг» или «Суперстар»?» – подумал он, как вдруг почувствовал прикосновение пальца к плечу и услышал спокойный голос:

Все, что природа сотворила,
Жило в ладу с моей душой.
Но что, – подумал я уныло, —
Что сделал человек с собой?²

– Доброе утро, Дэнис, – улыбнулся Квентин. – Не слишком жизнерадостная цитата для такого чудесного утра. Вордсворт, да?

Дэнис Виллерс кивнул.

– Если мне грустно, – сказал он, – то лишь по одной причине. Через два дня начало семестра, и придется отложить работу до самого Рождества. Кстати, я тебе кое-что принес. – Дэнис открыл портфель и достал книгу, новую, блестящую, вероятно, только что из типографии. – Сигнальный экземпляр, – пояснил он. – Я подумал, тебе будет приятно.

Лицо Квентина вспыхнуло от удовольствия. Он прочел название: Дэнис Виллерс, «Влюбленный Вордсворт», а затем, едва сдерживая волнение, открыл страницу с посвящением и вслух прочел:

² У. Вордсворт. «Строки, написанные раннею весной». (Перевод И. Меламеда.)

– «Моему зятю, Квентину Найтингейлу, истинному другу и покровителю». О, Дэнис, как чудесно! Я чувствую себя Саутгемптоном³.

Виллерс криво улыбнулся, что случалось крайне редко.

– Единственный вдохновитель этих очерков, мистер К. Н... – Он нахмурился, словно сердясь на себя за слабость. – Надеюсь, тебе понравится. Ну, у меня дела, да и тебе пора...

– Да, поеду. Береги себя, Дэнис. Жду не дождусь, когда вернусь домой и смогу приступить к чтению. – Квентин похлопал по книге, потом по плечу Виллерса и отвернулся.

Дэнис открыл калитку в стене вокруг Старого дома и ступил на тенистый, заросший липами и кипарисами двор, куда никогда не заглядывало солнце. Квентин, все еще улыбаясь, сел за руль, положил подарок на соседнее сиденье и поехал в Лондон.

Элизабет Найтингейл прихорашивалась целый час, прежде чем явить себя миру. Она стремилась создать впечатление безыскусной юности, безупречной чистоты и свежести. Легкий макияж и небрежная тщательность – или тщательная небрежность – в одежде. Никто не давал ей больше двадцати пяти. «Ах, – часто повторяла Элизабет своему отражению в зеркале, – видели бы они меня в двадцать пять!» А иногда прибавляла, что времени теперь тратишь вдвое больше, а выглядишь вдвое хуже.

Не изменяя своим демократичным привычкам, утренний кофе она выпила вместе с прислугой на кухне. Два садовника расположились по краям стола, а Элизабет села напротив Катъе Доорн. Миссис Кэнтрип пила кофе стоя, не прекращая раздавать указания.

– Если ты увидишь этого Элфа Тоуни, Уилл, напомни ему, что на сегодняшний вечер мне нужен цыпленок, и я хочу получить его утром, а не за пять минут до того, как мадам сядет ужинать. Убери локти со стола, Шон. Сколько раз тебе повторять... А ты, Кетчер, когда допьешь кофе, снеси чашку мистеру Виллерсу. Не то он подумает, что мы все умерли, – это факт. И ради всего святого, выключи радио. Мадам делать больше нечего, как слушать этот грохот.

– Почему же. Мне нравится поп-музыка, миссис Кэнтрип, – возразила Элизабет.

Шон поднял голову.

– По вам сразу видно, – сказал он, – что вы не зануда.

– Как можно так разговаривать с мадам! – Миссис Кэнтрип была шокирована.

– Для меня это большой комплимент, – возразила Элизабет.

Смуглое лицо Шона вспыхнуло от удовольствия, и он улыбнулся своей гранатовой улыбкой – ровные белые зубы сверкнули между алых губ. Вдохновленный благосклонностью хозяйки юноша посмотрел сначала на миссис Кэнтрип, затем на Уилла Палмера. Катъе захихикала, но ее Шон проигнорировал.

– Вы, старики, все одинаковые, – заявил он. – Завязли в заезженной колее.

– Твоя колея – сад, и тебе не стоит об этом забывать. Все равно никогда не станешь одним из этих новомодных певцов.

– Почему это? – Агрессия Шона быстро сменилась отчаянием. – Я должен попробовать, просто обязан. Я уже сказал своей старухе, что время поджидает – в апреле мне стукнет двадцать три. Представляете, если «Битлз» ждали бы до двадцати трех лет, прежде чем начать?

– И что? – переспросила миссис Кэнтрип. – В мире было бы гораздо тише – это факт.

– Не волнуйся, Шон, – ласково улыбнулась Элизабет. – Ты же знаешь, я обещала. И не забуду. – Шон страстно закивал, не отрывая от Элизабет восхищенного взгляда. – Послушай, Уилл, у мистера Найтингейла есть костюм, который он уже не носит и который может тебе подойти. И раз уж речь зашла о подарках, я собрала посылку для твоей матери, Катъе. Немного

³ Квентин в шутку сравнивает себя с Генри Ризли, 3-м графом Саутгемптон (1573–1624), покровителем У. Шекспира, которому, по предположению специалистов, поэт адресовал свои великие сонеты.

печенья, какого не купишь в Голландии. Найдешь ее на столике в холле вместе с моим пакетом. Тебя не затруднит отнести их на почту?

– Мадам сущий ангел, – сказала миссис Кэнтрип, когда Элизабет ушла. – Стыд и позор, что таких мало на свете.

Катье хихикнула.

Туман рассеялся, и комнаты Майфлит Мэнор были залиты светом – резким светом позднего лета, в котором видны малейшие следы пыли. Но миссис Кэнтрип и Катье стояли на страже, и пыли в доме не было. Элизабет переходила из комнаты в комнату, ступая по мягким, залитым солнцем коврам, проверяла свежесть цветов в бронзовых чашах и розовых вазах китайского фарфора, изредка раздвигала шторы, чтобы защитить нежный старинный шелк от солнца. Из окна спальни она смотрела, как Катье пересекла улицу деревни Майфлит, держа в пухлых ладонях две посылки: одну в Голландию, другую в Лондон. Элизабет вздохнула. Почти все друзья и слуги связали бы ее вздох с тем, что Катье оставила широко открытыми обе створки ворот из кованого железа, украшенных стоящими на задних лапах крылатыми драконами, морды которых соединялись там, где висел замок. На белой, ярко освещенной поверхности дороги подвижная, слегка деформированная выпуклостями посылок тень Катье выглядела черной.

Элизабет спустилась и закрыла ворота. Потом села в свой «Лотус» и поехала сначала в Куинс Уотерфорд, чтобы обсудить с леди Ларкин-Смит подготовку к танцам в загородном клубе, затем в Помфрет, чтобы получить от миссис Роджерс выручку от благотворительных сборов на лечение раковых больных, и, наконец, в парикмахерскую в Кингсмаркхэме. Она опустила стекла в машине, сложила верх, и ее светлые локоны цвета примулы развевались во встречном потоке воздуха, как мягкие, похожие на пух чертополоха волосы на голове маленькой девочки.

В половине второго миссис Кэнтрип подала ленч в столовой. Статус Катье давал ей право садиться за стол с хозяевами, но в отсутствие Квентина Найтингейла она почти не разговаривала. Женщина и девушка съели спаржу, ветчину и ежевичный пирог в молчании, которое прерывалось редкими замечаниями Элизабет, хвалившей еду. Когда они закончили, Катье сказала, что предпочитает пудинг чиполата.

– Ты должна научить миссис Кэнтрип его готовить.

– Может, я учу ее сегодня после ленча. – Катье не давались времена глаголов, и она обо всем говорила в настоящем времени.

– Отличная идея!

– Один раз попробуйте – и больше не хотите ежевичного пирога. – Катье принялась пальцем выковыривать застрявшие между зубов зернышки ежевики.

– Это мы еще посмотрим. А теперь я собираюсь отдохнуть. Если кто-то приедет или позвонит, меня не беспокоить.

– Я помню, – кивнула Катье.

– Куда ты собираешься сегодня вечером?

– Я встречаюсь с парнем в Кингсмаркхэме, и мы, наверное, идем смотреть кино.

– Фильм, Катье, – мягко поправила Элизабет. – «Кино» говорят только в Америке. Можешь взять машину, но лучше не «Лотус». Твоя мама вряд ли разрешила бы тебе водить быстрый спортивный автомобиль.

– Можно тогда я беру «мини»?

– Хорошо.

Катье убрала со стола и загрузила посуду в посудомоечную машину, вместе со стаканом и тарелками, оставшимися от ленча Дэниса Виллерса.

– А теперь я учу вас готовить пудинг чиполата, – объявила она миссис Кэнтрип, которая устроила себе десятиминутный перерыв с чашкой чая и «Дейли скетч».

– Это еще что такое? Ты же знаешь, мадам не держит в доме сосисок.

– Совсем не сосиски. Сливки с желе и фруктами. У нас же есть сливки? А яйца? Давайте, миссис Кэнтрип, милая.

– Истину говорят: нет покоя грешникам. – Миссис Кэнтрип неохотно встала из кресла-качалки. – Не понимаю, чем тебя не устраивает добрый английский десерт. Мистер Виллерс съел все, до крошки. Знаешь, он хоть и пишет книги, но аппетит у него отменный.

Катье достала сливки и яйца из холодильника.

– Я часто говорю себе, – задумчиво произнесла девушка, – почему он не работает у себя? Это странно и смешно – ведь у него есть жена.

– А могу я спросить, тебе-то какое дело, Кетчер? Понимаешь, мистер Виллерс всегда работал тут. Должно быть, прошло четырнадцать или пятнадцать лет с тех пор, как мистер Найтингейл отремонтировал Старый дом, чтобы мистер Виллерс мог в нем работать. Там тихо, понимаешь? А мистер Найтингейл неровно дышит к мистеру Виллерсу.

– Неровно дышит?

– Ох уж эти иностранцы! Я имею в виду, любит его, восхищается им. Думаю, он гордится, что в семье есть писатель. Включай миксер.

– Миссис Найтингейл его *совсем* не любит. – Катье налила сливки в чашку. – Он работает тут все каникулы, а миссис Найтингейл никогда, ни разу не приходит к нему. Не понимаю, как можно не любить своего брата.

– Видно, его не очень просто любить, – ответила миссис Кэнтрип. – Можешь быть уверена, если они поссорились – заметь, я этого не утверждаю, – то мадам точно не виновата. У него странные манеры, у этого мистера Виллерса. Отвратительный характер, настоящая язва. Скажу тебе по секрету, Кетчер, я бы не стала отдавать своего сына в школу, где он преподает. Выключай эту штуку, а то сливки превратятся в масло.

К чаю Элизабет не вышла.

В пять вечера небо было безоблачным, как на Средиземном море, а солнце палило нещадно. Уилл Палмер развел костер у ворот, выходящих на дорогу к Кингсмаркхэму, и теплый воздух наполнился едким запахом дыма. Уилл жег скошенную траву, изредка брызгая на нее керосином. Мокрый от пота Шон, недовольно ворча, толкал газонокосилку по лужайкам, устроенным в виде террас.

Миссис Кэнтрип накрыла стол и оставила холодный ужин на тележке. В любую погоду, хорошую или плохую, она не выходила из дома без шляпки. Вот и теперь экономка надела ее и отправилась в свой коттедж на другом конце деревни.

В Старом доме Дэнис Виллерс напечатал еще три предложения о Вордсворте и восприимчивости природы как источника художественного вдохновения и тоже отправился домой. Медленно и осторожно он ехал в свое бунгало в Кластервеле, а через полчаса за ним последовала Катье Доорн на «мини»; машина с ревом и визгом неслась через деревни по дороге к Кингсмаркхэму.

Элизабет лежала на кровати с примочками из гамамелиса на глазах, консервируя свою красоту. Услышав звук подъехавшего «Ягуара», она встала и начала одеваться к ужину.

На Элизабет было бледно-зеленое платье с вышивкой на воротнике и манжетах.

– Как поживает моя красавица жена?

– Чудесно, дорогой. Как прошел день?

– Неплохо. В Лондоне настоящая парилка. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Немного томатного сока, – сказала Элизабет.

Квентин налил ей сока, а себе – двойную порцию виски.

– Спасибо, дорогой. Жарко, правда?

– Но не так, как в Лондоне.

– Надеюсь.

– Ни в какое сравнение с Лондоном, – твердо произнес Квентин. Потом улыбнулся. Элизабет тоже. Оба умолкли.

– Катъе нет? – нарушил молчание Квентин.

– Она взяла «мини» и поехала в Кингсмаркхэм, дорогой.

– Значит, мы предоставлены сами себе? И никто не приглашен на коктейль?

– Сегодня – нет. Как ты верно выразился, мы предоставлены сами себе.

Квентин вздохнул и улыбнулся.

– Приятно побыть вдвоем, – произнес он. – Для разнообразия.

Элизабет не ответила. На этот раз молчание было более глубоким и долгим. Квентин стоял у окна и смотрел в сад.

– Наверное, пора ужинать, – наконец сказала Элизабет.

В столовой Квентин открыл бутылку «Пуйи-Фюиссе»⁴. Элизабет достала только один бокал.

– Наконец становится прохладнее, – произнес Квентин за вичисуа⁵. – Скоро ночи должны стать длиннее.

– Должны.

– Да, несмотря на жару в это время года, в воздухе уже чувствуется легкая прохлада. – Элизабет молча поглощала холодного цыпленка. – Но в целом лето было хорошим, – уже ни на что не надеясь, прибавил Квентин.

– В целом да.

Закончив, они вернулись в гостиную.

– Который час? – спросил Квентин, остановившись у стеклянной двери на террасу.

– Всего восемь.

– Правда? Я думал, гораздо позднее. – Он вышел на террасу и окинул взглядом свои хризантемы. Элизабет равнодушно переворачивала страницы журнала «Куин». Квентин вернулся, сел и посмотрел на жену. – Как ты думаешь, не заглянут ли к нам Дэнис с Джорджиной?

– Сомневаюсь.

– Может, позвонить Дэнису, пригласить их на партию в бридж? Не возражаешь?

– Как хочешь, дорогой.

– Только если ты не против.

– Мне действительно все равно, дорогой.

– Ну, тогда я им позвоню, – с облегчением выдохнул Квентин.

Приехали Виллерсы, и до десяти компания играла в бридж.

– Уже поздно, Джорджина. – Виллерс посмотрел на часы. – Мне нужно перед сном пару часов поработать в школьной библиотеке.

– Опять? – удивилась Джорджина.

– Я уже тебе говорил, что хочу поработать со ссылками.

Жена бросила на него возмущенный взгляд.

– Дэнис так предан своей работе, – поспешил вмешаться Квентин, всегда выступавший в роли миротворца, и ласково улыбнулся Джорджине. – Кстати, о преданности, – он повернулся к шуруну, – ты не подпишешь для меня книгу?

⁴ Элитное бургундское.

⁵ Овощной суп-пюре на курином бульоне.

Дэнис Виллерс взял старую, сломанную шариковую ручку и начертал на форзаце: «Благословенна память ранних дней...»⁶.

Квентин прочел, и щеки его зарумянились от удовольствия. Он положил ладонь на плечо Виллерса.

– Теперь подпишись.

И Дэнис добавил под цитатой: «Твой брат Дэнис Виллерс».

– Обычно ты выражаешься точнее. Следовало написать «шурина».

– К черту точность. Кому она нужна? – отмахнулся Виллерс.

Вернулись женщины. Джорджина застегивала свою большую сумку.

– Огромное спасибо за подарок, Элизабет, – сказала она. – Даже не знаю, как тебя благодарить.

– Ну что ты, моя дорогая. Мне он больше не нужен. – Элизабет нежно поцеловала ее.

– Заканчивайте миловаться, – недовольно буркнул Дэнис Виллерс, – и мы пойдем.

– Наверное, я сразу лягу, – сказал Квентин. – Мне не терпится начать новую книгу. Хочешь еще немного посидеть?

– Вечер такой чудесный, – сказала Элизабет. – Прогуляюсь по саду перед сном.

– Только накинь что-нибудь теплое. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дорогой.

Элизабет взяла куртку, мягкую и легкую, из зеленой ангоры. При свете луны она была неотличима от кипарисов итальянского садика. Поздние розы, бледно-розовые, абрикосовые и лимонные, ночью казались белыми. Элизабет прошла по дерну между розариями, шестиугольным, полукруглым и ромбовидным, затем по мощенной плитками дорожке между живыми изгородями из тиса направилась к калитке в красной кирпичной стене. От костра, разведенного Уиллом, поднимался тонкий серый столбик дыма.

Элизабет отперла калитку и вышла на заросшую травой обочину, над которой нависали ветви буков из сада и которая отделяла стену от дороги на Помфрет. Блеснули и пронеслись мимо фары автомобиля; Элизабет попятилась, укрывшись в тени деревьев. Катье на «мини» возвращалась из Кингсмаркхэма. Дорога опять опустела; теперь ее освещала только луна. Элизабет закрыла за собой калитку, пересекла дорогу и пошла от нее по песчаной тропке в глубь Черитонского леса.

Убедившись, что ее не видно с дороги, Элизабет присела на бревно и стала ждать. Потом зажгла сигарету, третью из пяти, что она выкурит за этот день.

У каждого из супругов Найтингейл была своя спальня на втором этаже Майфлит Мэнор, с окнами, выходившими на фасад дома. Квентин разделся, быстро скользнул в постель, включил ночник и раскрыл «Влюбленного Вордсворта».

Как всегда при чтении книг Виллерса, он первым делом с гордостью и удовольствием прочел редакторский панегирик автору и его работам, внимательно изучил фотографию шурина на задней стороне суперобложки. Затем пролистал все иллюстрации: репродукции портретов Вордсворта, его сестры Дороти и виды на «извилистый Форт» из замка Стирлинг. И только потом приступил к чтению.

Квентин читал, как читают ученые, добросовестно просматривая каждую библиографическую ссылку и не пропуская ни одного примечания. Дойдя до встречи поэта с французской возлюбленной, он услышал звук шагов на лестнице. Элизабет вернулась с прогулки? Нет...

Шаги удалялись, поднимаясь все выше и выше, пока слабый звук не послышался прямо у него над головой. Значит, не Элизабет, а Катье, которая спала наверху.

⁶ У. Вордсворт, ода «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства». (Перевод Г. Кружкова.)

Часы показывали половину двенадцатого, и в спальне похолодало. Как выразился Квентин за ужином, в воздухе уже чувствовалась легкая прохлада. Должно быть, Элизабет замерзла там, в саду. Рамы на окнах спальни и оконные переплеты наверху задребезжали от поднявшегося ветра. Квентин отложил книгу и выглянул в сад.

Луна скрылась за облаками. Квентин накинул халат, открыл дверь спальни, постоял в нерешительности и направился к лестнице.

Глава 2

У инспектора уголовного розыска Майкла Бердена был выходной. Он валялся в постели до девяти. Затем встал, принял ванну и взялся за дело, которому намеревался посвятить весь свободный день, – покрасить бунгало снаружи.

Ночью поднялся сильный ветер, отголосок карибского урагана, который американцы называли «Каролина». Стремянка Бердену не требовалась, поскольку карнизы бунгало располагались достаточно низко, но сегодня ему и в голову не пришло бы взбираться на лестницу. И разумеется, он не разрешит этого делать своему исполненному энтузиазма помощнику, одиннадцатилетнему сыну Джону, который по случаю школьных каникул был дома.

– Можешь заняться входной дверью, Джон, – сказал Берден, зная, что оказывает сыну особую честь. Все маляры, особенно непрофессионалы, с нетерпением ждут момента, когда на дверь лягут первые мазки краски, обычно яркого, контрастирующего со стенами цвета.

– Правда? Черт! – воскликнул Джон.

– Не чертыхайся. Ты же знаешь, я не люблю, когда ты ругаешься.

Вопреки обыкновению Джон не стал спорить, а молча побежал в гараж за новой банкой краски цвета «розовый фламинго». Там он столкнулся со своей сестренкой Пэт, кормившей листьями липы гусеницу бражника, заключенную в коробку из-под обуви. Он собирался отпустить язвительное замечание, что-нибудь насчет того, как глупо разводить садовых вредителей, но с заднего крыльца послышался голос матери:

– Джон, позови папу. Ему звонят.

– Кто?

– Сам догадайся. – В голосе миссис Берден проступили отчаяние и безнадежность.

Джон догадался. Захватив банку краски, он вернулся к отцу, который как раз нанес первый мазок на раму венецианского окна.

– Тебе звонят из полицейского участка, – сказал мальчик.

Берден взял себе за правило не употреблять крепких выражений – ни в присутствии детей, ни в их отсутствие. Он аккуратно опустил кисть в банку из-под джема, наполненную синтетическим скипидаром, и вошел в дом.

Сегодня утром бунгало выглядело необыкновенно красивым. Холл и гостиная украшены пурпурными георгинами (сорт «Епископ Ллэндаффа») в керамических вазах из Пула, новые занавески раздвинуты, из кухни тянет густым ароматом пудинга с мясом и почками, предназначенным для ленча. Вдохнув, Берден взял безупречно чистую трубку белого телефона.

– Ты не торопишься, – прозвучал недовольный голос старшего инспектора Вексфорда.

– Прошу прощения. Я красил.

– Не повезло тебе, Пикассо. Придется заканчивать свой шедевр в другой раз. Служба зовет.

Берден прекрасно знал: нет смысла напоминать начальнику, что у него сегодня выходной.

– Что случилось, сэр?

– Ты знаешь миссис Элизабет Найтингейл?

– Только в лицо. Ее все знают. Муж – член правления страховой компании Ллойда. Денег куры не клюют. Что она натворила?

– Ее убили – вот что.

– Черт возьми! – нарушил свое правило Берден.

– Я в Майфлит Мэнор. Приезжай сюда как можно скорее, Майк.

– А я варю роскошный пудинг, – сказала Джин Берден. – Постарайся вернуться к ленчу.

– И не надейся.

Берден переоделся, схватил ключи от машины. Джон сидел на низкой стене сада, ожидая распоряжений.

– Придется повременить с входной дверью денек-другой. Извини, что так вышло.

– Я сам могу.

– Не спорь, я тебя очень прошу. – Берден выудил из кармана полкроны. – Ты что-то говорил насчет новой батарейки для транзистора... И сладостей себе тоже купи. – Он сел в машину. – Послушай, Джон... Кажется, мистер Виллерс, брат миссис Найтингейл, преподает у тебя в школе?

– Старая римская вилла? – переспросил Джон. – Я не знаю, чей он там брат. Латынь и греческий. А тебе зачем?

– Так просто, – сказал Берден.

Дом из красного кирпича, построенный в эпоху королевы Анны, как будто присел, слегка наклонившись, у самой дороги; его окна, словно глаза Аргуса⁷, смотрели на деревню, а цоколь скрывал густой зеленый кустарник, шелестевший на ветру. Берден остановился позади большого служебного автомобиля, на котором приехал Вексфорд, открыл ворота с драконами и поднялся по ступенькам парадного крыльца. Кнопку звонка он нажать не успел – дверь открыл сержант уголовной полиции Мартин.

– Старший инспектор в... ну, они это называют утренней гостиной, сэр.

Дом был полон людей, но в то же время словно затаил дыхание – такая тишина бывает при шоке, когда случается что-то непостижимое. Берден постучал в дверь утренней гостиной и вошел.

Это была маленькая элегантная комната с кремовыми и синими стенными панелями. На широкой полке, повторявшей изгибы рейки для картин, стояли синие дельфтские тарелочки с цветочным орнаментом. На стенах висели нежные акварели – пейзажи или пасторали с изображением майфлитской мельницы, церкви в Форби и моста через реку в Флэгфорде.

Вексфорд, втиснувшийся в маленькое кресло с обивкой из кремового шелка, казался еще более внушительным, чем обычно. Его массивное лицо было мрачным, но настороженные, внимательные глаза не отрывались от женщины, сидевшей по другую сторону камина. Взглянув на аккуратные седые волосы и простое лицо, покрасневшее и залитое слезами, Берден решил, что это преданная служанка, давно живущая в семье.

– Входи, – сказал Вексфорд. – Садись. Это миссис Кэнтрип. Она вела хозяйство у мистера и миссис Найтингейл с тех пор, как они поженились шестнадцать лет назад.

– Истинная правда, сэр. – Миссис Кэнтрип прижала носовой платок к опухшим глазам. – И милее человека, чем миссис Найтингейл, я в жизни не встречала. Чистое золото – такой хозяйки у меня никогда не было. Я часто думала – хоть это звучит неуважительно, – как жаль, что в наши дни рекомендация требуется мне, а не ей. Уж я бы не пожалела ярких красок, можете не сомневаться.

Берден осторожно опустился в другое шелковое кресло. Все здесь сияло чистотой и великолепием от сверкающего фарфора до каминных экранов с рисунком в виде овалов на длинных стеблях.

– Не знаю, что вы о нас подумаете, – произнесла миссис Кэнтрип, неверно истолковав выражение его лица. – Тут такой беспорядок, но утром нам было не до уборки. Мы с Кетчер просто не могли заставить себя взять в руки тряпки. Когда я услышала новости, мне стало так плохо, что я едва не лишилась чувств. – Она повернулась к Вексфорду и шмыгнула носом, сдерживая слезы.

⁷ В древнегреческой мифологии многоглазый великан; в переносном смысле – неусыпный страж.

– Итак, сэр, вы сказали, что хотите повидать всех, кто есть в доме, и теперь, когда пришел другой джентльмен, я не смею вас задерживать. – Экономка принялась перечислять, загибая натруженные пальцы: – Уилл Палмер, он-то и нашел бедняжку, Шон Ловелл, Кетчер...

– Кто такая Кетчер?

– Девушка, иностранка. Их называют помощницами по хозяйству, сэр. Она в своей комнате наверху. И еще сам бедный мистер Найтингейл, он заперся у себя в кабинете и никому не открывает.

– Сначала поговорю с мистером Палмером, – решил Вексфорд.

– Давно вы тут? – шепотом спросил Берден, словно боялся нарушить могильную тишину в доме.

– С половины восьмого, – вполголоса ответил Вексфорд.

Экономка провела их длинным коридором через кухню и в сад.

– Спасибо, миссис Кэнтрип. А вот, кажется, и мистер Палмер.

Территорию поместья обыскивали люди в полицейских мундирах и в штатском. Уилл Палмер вышел из-за живой изгороди, остановился посреди лужайки и угрюмо поглядывал то на констебля Гейтса, топтавшегося среди цветочных горшков в одной из теплиц, то на констебля Брайанта, который, закатав рукава, сунул руки по локоть в зеленую воду декоративного пруда с лилиями.

– Тело сфотографировали и увезли, – пояснил Вексфорд. – Кто-то ударил ее по голове. Неизвестным предметом. Теперь они ищут орудие убийства. Крови было до черта. – Старший инспектор повысил голос. – Мистер Палмер! Подойдите, пожалуйста, сюда.

Это был высокий, жилистый старик с жестким, костлявым лицом, превращенным солнцем и ветром в подобие маски из палисандрового дерева. Лысина на макушке была темно-красной, как сердцевина маргаритки среди белых лепестков.

– Как я понял, вы хотите со мной поговорить, – произнес он с мрачной значительностью. – Но зачем они рыскают в моем саду?

– Мы ищем орудие, которым убили миссис Найтингейл. – Вексфорд не стал ничего скрывать.

– Не думаю, что вы найдете его в моих фуксиях.

– Посмотрим. – Вексфорд указал на тонкий столбик дыма. – Давно горит тот костер?

– Со вчерашнего вечера, начальник.

– Понятно. Где мы можем спокойно поговорить, мистер Палмер? Может, на кухне? Или там будет миссис Кэнтрип?

– Наверняка, начальник. И она бывает очень любопытной. Можно пойти в итальянский садик, там нет ветра.

Они устроились на длинной металлической скамье, украшенной завитками, у пруда прямоугольной формы, вода в котором еще была мутной после того, как дно водоема обследовали люди Вексфорда. В дальнем конце пруда высилось вычурное барочное сооружение с нишей, в которой стояла бронзовая фигура мальчика, наливающего воду из амфоры в чашу. Садик размером примерно тридцать на двадцать футов окружали кипарисы, дрожавшие на ветру.

– Значит, дело было так, – начал Палмер. – Ночью поднялся ветер, такой сильный, что разбудил меня. Было около половины пятого. Первым делом я вспомнил о хризантемах мистера Найтингейла, тех, что мы готовили к выставке цветов. Понимаете, горшки с ними стояли на открытом воздухе, и я подумал, что ветер их опрокинет, это уж как пить дать. Вот я и сел на велосипед и помчался сюда что было духу.

– Когда вы приехали в поместье, мистер Палмер?

– Около пяти. – Садовник говорил медленно, смакуя каждое слово. Он явно начал получать удовольствие от разговора. – Все хризантемы выстояли на ветру, но я убрал их в теплицу, на всякий случай. А потом глядь – что-то не так. Одна из этих стеклянных дверей в сад рас-

пахнута настежь. Воры, подумал я. В дом забрались воры. Поначалу даже растерялся. Не знал, что делать. Может, просто сильный ветер, а дверь запереть забыли. Но подумал, что обязан разбудить мистера Найтингейла, и поэтому вошел, поднялся по лестнице к его спальне. Стучу, стучу в дверь, а он не открывает. Должно быть, сон у него крепкий, подумал я и решил войти.

– Он был там?

– Нет. Кровать была пуста. Мистер Найтингейл, – окликнул я. – Вы здесь, сэр? Подумал, что он в ванной, – дверь туда была закрыта...

– Но вы не заглянули в ванную? – перебил его Вексфорд, воспользовавшись паузой.

– Я знаю свое место, сэр. Кроме того... – Палмер опустил взгляд на заштопанные и лоснящиеся колени брюк. – Они хоть и спят в разных комнатах, но как-никак женаты, и...

– Естественно, вы подумали, что он мог провести ночь в спальне миссис Найтингейл?

– Да, начальник, именно так я и подумал. Я всегда говорил, что у знати свои причуды, непонятные таким, как мы. – Ничуть не смутившись, что он причислил Вексфорда и Бердена к простолюдинам, Палмер продолжил: – Так что, не дождавшись ответа от мистера Найтингейла, я осмелился постучать в дверь мадам. Никто не ответил, и я уже начал волноваться – было от чего. Совсем расстроился. Иначе никогда не посмел бы и порога переступить – слугам в рабочей одежде не место в спальне леди. Но мадам все равно там не было, даже постель не разобрали.

– А вам не пришлось в голову позвать девушку?

– Не пришлось, начальник. Что такого может Кетчер, что не под силу мне? Я обошел парк и увидел открытую калитку. «Лучше позвони в полицию, Уилл», – сказал я себе, но когда вернулся в дом, встретил мистера Найтингейла. Он сказал, что принимал ванну, когда я стучал, но пока вытерся и вышел, меня уже и след простыл.

– Что было дальше? – спросил Берден.

Палмер почесал в затылке.

– Мистер Найтингейл сказал, что с мадам, должно быть, что-то случилось, когда она гуляла в парке, но я ответил, что уже обыскал парк. Тогда, – садовник нагнетал напряжение, как опытный рассказчик, – я вспомнил об открытой калитке и глухом, темном лесе, и сердце у меня захолонуло. «Думаю, она ушла в лес, и там с ней приключилась беда», – сказал я бедному мистеру Найтингейлу. Мы пошли в лес ни живы ни мертвы. Я шел первым, и я нашел ее. Лежала лицом вниз, эти чудесные золотистые волосы все в крови. Да вы сами знаете, начальник. Видели.

– Спасибо, мистер Палмер. Вы нам очень помогли.

– Я всегда стараюсь исполнять свой долг, сэр. Мистер Найтингейл был добр ко мне, и мадам тоже. Кое-кто, не буду называть по имени, пользовался бы их добротой, но только не я. Наверное, я принадлежу... как это говорится, к старой школе.

Вексфорд поднял голову и заметил среди кипарисов человека, опиравшегося на лопату.

– А Шон, как его там, пользовался? – тихо спросил он.

– Ловелл, начальник. Шон Ловелл. Ну, по правде говоря, пользовался. В мое время каждый знал свое место, не то что теперь, а этот Ловелл вообще из самых низов. Его мать та еще штучка, а отца, похоже, у него вовсе не было. Поди, вас бы стошнило, загляни вы к ним в дом. Но Шон держал себя с мадам как ровня – вы бы слышали. Элизабет то, Элизабет се, говорил он мне за ее спиной. Я его поставил на место, сказал, чтобы он не смел при мне так называть мадам.

– И как же он пользовался добротой хозяев? – нетерпеливо спросил Берден.

– Шон спит и видит, как бы ему петь в одной из этих поп-групп. Понимаете, мадам была доброй, только улыбалась и терпеливо слушала, когда он начинал петь. И он ей пел... – Палмер с отвращением скривился, обнажив гнилые обломки зубов. – Когда она оставляла окно открытым, Шон приходил и пел какую-нибудь из этих поганных песен, которые слышал по телевизору.

А какой нахальный – вы не поверите! Однажды я застал его с мадам в саду возле пруда: он болтал без умолку, положив свою грязную лапу на ее локоть. Я точно знаю, мадам это было неприятно. Она прямо вздрогнула и вся покраснела, когда я прикрикнул на него. «Дьявольские вольности», – сказал я ему, когда мы остались одни. А он мне в ответ: «Элизабет и я, мы понимаем друг друга». Какая наглость!

Палмер поднялся, скрипнув старыми суставами, и бросил хмурый взгляд в сторону Ловелла.

– Одно могу сказать, – произнес он. – Надеюсь, меня уже не будет на свете, когда это равенство нас всех dokonает.

Умелая перепланировка и декоративные перегородки превратили просторный чердак в квартиру для проживающей в доме помощницы по хозяйству. Изящные полки из полированного бука, уставленные книгами и комнатными растениями, отделяли гостиную от спальной зоны. Вся мебель была современной. Обитые алым твидом диван и два кресла, болотного цвета ковер, красные шторы из рубчатого вельвета.

– Хорошо говорите по-английски, мисс Доорн? – спросил Вексфорд, когда девушка пригласила их войти.

– Ой, нет, очень плохо, – ответила голландка. – Все говорят, очень плохо.

Она улыбнулась, явно не испытывая ни малейшего смущения. Классический голландский тип, с восхищением подумал Вексфорд. На плакатах для туристов такие девушки в деревянных сабо и крестьянском платье рекламируют красоты Голландии, стоя среди ветряных мельниц и тюльпанов. Длинные светлые волосы, отливавшие золотом, ярко-синие глаза и удивительная молочно-белая кожа, нежная, как тюльпаны в парке Кейкенхоф⁸. Когда она смеялась – а смеяться она, похоже, никогда не переставала, – ее лицо сияло, словно подсвеченное изнутри. На взгляд Вексфорда, ей было около двадцати.

– Давно ли вы живете здесь, у мистера и миссис Найтингейл? – спросил он.

– Один год. Почти один год и еще половина.

– Значит, вы их хорошо знаете? Вы живете с ними как член семьи?

– Никакой семьи нет. – Катье презрительно выпятила полные розовые губки. – Просто он и она. – Девушка пожала плечами. – А теперь она умерла.

– Действительно. Именно поэтому я здесь. Вне всякого сомнения, вы успели подружиться с миссис Найтингейл, что-то вроде матери и взрослой дочери?

Катье рассмеялась, поджала под себя ноги и несколько раз подпрыгнула на диване. Потом прикрыла ладошкой рот, приглушая смех.

– О, я не должна смеяться, когда все так печально! Но вы так смешно говорите. Дочь! Думаю, миссис Найтингейл это не понравится. Нет, она считает себя молодой девушкой, очень молодой – мини-юбки, карандаш для глаз и все такое...

Берден осуждающе посмотрел на нее, но в ответ встретил взгляд невинных, широко распахнутых глаз.

– Тем не менее вы были с ней в доверительных отношениях? – настаивал Вексфорд.

– Прошу прощения?

– Она рассказывала вам о своей жизни? – пришел на помощь Берден.

– Мне? Нет. Никогда, ничего. Мы сидим друг напротив друга за ленчем, я тут, она там. Как поживает твоя мама, Катье? Интересно, будет ли сегодня дождь? А теперь я прилягу отдохнуть. Но разговаривать? Нет, мы не *разговаривать*.

– Должно быть, вам было одиноко?

⁸ Знаменитый парк тюльпанов в Голландии.

– Мне? – Девушка снова захихикала. – Наверное, мне бы было бы одиноко бы... – Она умолкла, запутавшись в условном наклонении. – Если я весь день с ним и с ней и весь вечер тоже, то, конечно, я одинока. Но у меня в Кингсмаркхэме много друзей, много-много друзей, парни и девушки. Зачем мне сидеть тут, со стариками?

– Им всего-то сорок, – с жаром возразил тридцатилетний Берден.

– Именно об этом я и говорю, – невозмутимо ответила Катье. – Я молодая, они старые. Мистер Найтингейл, он меня смешит. Он славный человек и говорит вещи, от которых я смеюсь, только он старый-старый – старше моего отца в Гауде.

Защищенная красотой и самоуверенностью юности, Катье улыбнулась Вексфорду, затем ее взгляд скользнул к Бердену и задержался на нем. Девушка смотрела на него, словно оценивая, можно ли его заполнить. Потом хихикнула.

– Что вы видели, когда вернулись домой вчера ночью? – вспыхнув, резко спросил Берден.

– Ну, я иду в кино с моим другом, который официант в «Оливе и голубке». Сначала мы смотрим фильм, шведский, очень сексуальный, от которого я вся горю – вы понимаете?

– О да. – Берден опустил взгляд.

– Это естественно, – просто сказала Катье, – когда ты молодой.

Она вытянула длинные голые ноги и пошевелила пальцами в белых сандалиях.

– Потом я хочу пойти с моим другом в его комнату, но он не может, потому что управляющий в его отеле очень злой и не разрешает приводить девушек. Поэтому мы грустим, и вместо этого он ведет меня в кафе «Карусель». Там мы пьем кофе с одним, двумя пирожными.

– В котором часу это было?

– Без четверти десять мы выходим из кино. Потом пьем кофе, сидим в машине, целуемся и обнимаемся, но очень грустим, что не можем пойти к нему в комнату. Утром мой друг должен очень рано вставать, и поэтому он возвращается в отель, а я еду домой. Теперь это одиннадцать часов, я думаю.

– Вы видели, как миссис Найтингейл выходила с территории поместья?

Катье сунула прядь волос в уголок рта.

– Я вижу ее в свете фар моей машины, она выходит из калитки, там, где костер. Она меня тоже видит. Я знаю, потому что она быстро запирает калитку и прячется, пока я не проеду. Очень смешно, думаю я. Потом я еду по дороге, ставлю машину и возвращаюсь, очень тихо, очень тайно, чтобы посмотреть, как она выходит опять.

Катье вдруг резко выпрямила ноги, открыв бедра смущенному взору Бердена.

– Она опять выходит! – торжествующе восклицает девушка. – Переходит через дорогу и идет в лес. Идет очень тихо и все время оглядывается. Вот так. – Катье быстро изобразила забавную пантомиму. – Тогда я знаю, что она делает. Много-много раз сама так хожу, когда собираюсь встретиться с моим другом в лесу, а злой человек не разрешает нам приходить в его комнату. Я смотрю через плечо, чтобы увидеть, не идет ли кто за нами смотреть, что мы делаем.

– Да, да, – буркнул Вексфорд. – Я все понимаю.

Он не осмеливался посмотреть на Бердена. Его бы не удивило, исчезни инспектор совсем, как тот человек в «Холодном доме»⁹, испарившийся в результате самовозгорания.

– Вы были с нами очень откровенны, мисс Доорн. – В голосе Вексфорда звучала едва уловимая ирония.

– Я молодец? – спросила Катье, явно довольная собой. Она с энтузиазмом жевала прядь волос. – Я вам помогаю? Я знаю, как нужно разговаривать с полицией. Когда я в Амстердаме с бунтовщиками, полиция спрашивает меня много вопросов, я знаю все о полиции и совсем не боюсь.

⁹ Роман Ч. Диккенса.

Она одарила их лучезарной улыбкой, вспыхнувшей еще ярче и не желавшей угасать, когда девушка обратилась к Бердену:

– А теперь я думаю, что я делаю вам кофе и рассказываю, как мы кидаем дымовые бомбы в Амстердаме, пока этот старый полицейский начальник говорит с бедным мистером Найтингейлом.

Берден совсем растерялся и промямлил, что уже пил кофе, но к нему на помощь пришел Вексфорд.

– Как-нибудь в другой раз, спасибо, – мягко отказался он. Вексфорд не возражал, чтобы его называли полицейским начальником, но прилагательное его уязвило. – Мы еще с вами поговорим, мисс Доорн.

– Да, я тоже так думаю.

Катье хихикнула. Она спокойно воспринимала тот факт, что большинство мужчин, один раз увидев ее, хотят встретиться снова. Она свернулась калачиком в кресле и смотрела на полицейских озорными глазами.

– Теперь Найтингейл, – сказал Вексфорд, когда они спускались по лестнице. – Мы с ним уже перекинулись парой слов, но это было до того, как я узнал о его утренних омовениях. Придется ему выйти из своего кабинета, Майк. Я уже отправил Мартина за ордером на обыск дома.

Глава 3

Такую внешность, как у Квентина Найтингейла, женщины называют благородной. Серебристые волосы без единой черной пряди и маленькие серебристые усики придавали ему вид посла или высокопоставленного военного. Из-за преждевременной седины он не выглядел моложе своих пятидесяти, хотя его высокая фигура была такой же стройной, как у Шона Ловелла, линия подбородка твердой, а кожа гладкой, без морщин.

Считается, что у хорошенькой женщины должен быть красивый муж – или богатый. В противном случае брак выглядит неравным и все думают, что женщина продешевила. Элизабет Найтингейл была настоящей красавицей, а ее вдовец не просто богат, но и достаточно хорош собой, под стать жене. Однако этим утром его измученное, осунувшееся лицо казалось почти уродливым.

Потребовались долгие уговоры и в конце концов категоричная настойчивость, прежде чем он согласился впустить полицейских к себе в кабинет; но когда они вошли, гнев Вексфорда сменился жалостью и состраданием. Квентин Найтингейл плакал.

– Прошу прощения, сэр. Я обязан вас допросить – как и всех остальных.

– Понимаю. – Голос хозяина был тихим, напряженным и хриплым. – Это ребячество – запирайтесь здесь. Что вы хотите знать?

– Вы разрешите присесть?

– Да, пожалуйста... Прошу прощения. Я должен был...

– Я все понимаю, мистер Найтингейл. – Вексфорд опустился в кожаное кресло, похожее на его собственное, в полицейском участке, а Берден выбрал высокий деревянный табурет рядом с книжным шкафом. – Для начала расскажите мне о прошлом вечере. Вы с миссис Найтингейл провели его вдвоем?

– Нет. К нам на партию в бридж приезжал мой шурин с женой. – Голос его несколько оживился. – Знаете, он известный писатель, исследователь творчества Вордсворта.

– Вот как? – вежливо произнес Вексфорд.

– Они приехали около половины девятого, а уехали в половине одиннадцатого. Шурин сказал, что перед сном ему еще нужно поработать в школьной библиотеке.

– Ясно. Какой была ваша жена вчера вечером?

– Моя жена... – Квентин поморщился, произнеся это слово, затем был вынужден повторить: – Моя жена была абсолютно нормальной, весела и любезна, как обычно. – Голос его прервался, но Квентин взял себя в руки. – Очень гостеприимная хозяйка. Помню, она была особенно мила со своей невесткой. Что-то подарила Джорджине, и та осталась очень довольна. Элизабет была на редкость щедрой женщиной.

– И что это был за подарок, сэр?

– Не знаю. – Голос Квентина вдруг вновь зазвучал устало. – Я только слышал, как Джорджина ее благодарила.

Берден поерзал на табуретке.

– Почему ваша жена пошла в лес, мистер Найтингейл?

– Этого я тоже не знаю. Боже, просто в голове не укладывается... Она часто гуляла по парку. То есть поздно вечером. Но я и вообразить не мог, что она пойдет в лес.

– Вы были счастливы в браке, сэр?

– Разумеется. У нас был идеальный брак. Спросите любого из наших друзей. Господи, разве я пребывал бы в таком состоянии, как теперь, не будь мы счастливы?

– Пожалуйста, не терзайте себя, мистер Найтингейл, – участливо произнес Вексфорд. – А теперь я хочу, чтобы вы как можно точнее ответили на мои вопросы. Вам известно, что в

начале шестого утра Палмер пришел к вам в спальню, но не мог вас найти? Вас не затруднит объяснить, где вы были?

Лицо Квентина густо покраснело. Он прижал ладони к щекам, словно надеялся, что их холод заставит кровь отхлынуть.

– Я принимал ванну, – сухо ответил он.

– Странное время для водных процедур.

– Мы все время от времени совершаем странные поступки, старший инспектор. Из-за ветра я рано проснулся. Никак не мог снова заснуть и решил принять ванну.

– Очень хорошо, мистер Найтингейл. Теперь, если вы не возражаете, я хотел бы обыскать дом.

– Как вам угодно, – кивнул Квентин.

Он был похож на приговоренного к смерти, который получил отсрочку, но понимает, что это лишь временная остановка на пути к казни. Потом дотронулся до пресс-папье из темно-синего камня с серебристыми прожилками и прибавил:

– Вы же аккуратны, правда?

– Мы не вандалы, – резко ответил Вексфорд, затем слегка смягчился. – Когда все закончится, вы и не заметите, что мы тут были.

Подобно всем деревенским домам, Майфлит Мэнор не отличался большими размерами, однако на муниципальную квартиру, как выразился Берден, он тоже похож не был. Всего в нем насчитывалось пятнадцать комнат, обставленных с большим вкусом, – и почти каждая могла похвастаться собранием произведений искусства. Все на своих местах, на коврах ни пятнышка, подушки разглажены. Тут явно никогда не бегал ребенок, не говоря уже о собаке. И только опавшие с букетов лепестки свидетельствовали о том, что дом полдня оставался без присмотра.

Несмотря на вазы с георгинами и бледные солнечные лучи, которые ветер то зажигал, то гасил на шелковой обивке и полированном дереве, в доме веяло могильным холодом. «Как в церкви», – подумал Вексфорд, поднимаясь по лестнице.

Жизнь особняка, его пульс и единственный источник радости сосредоточились наверху, в квартире юной помощницы по хозяйству. Задумчиво посмотрев на последний лестничный пролет, Вексфорд вошел в спальню Квентина; за ним последовал Берден.

Кровать была застелена, рядом на низком столике лежала книга. Вексфорд взглянул на нее, но ничего не сказал. Потом выдвинул ящики и принялся разглядывать содержимое плотно набитого шкафа, а Берден прошел в ванную.

– Банное полотенце все еще мокрое, сэр, – сообщил он. – Висит на горячем полотенцесушителе, но... – Вексфорд тоже вошел в ванную и увидел, что Берден смотрит на часы. – За семь часов могло бы и высохнуть, правда?

Вексфорд покачал головой.

– Либо он принимал ванну два раза, либо всего один, но в девять или десять утра.

– Хотите сказать, что в первый раз уничтожали следы? В таком случае на полотенце или где-то еще должна была остаться кровь, так?

– Мы с миссис Кэнтрип проверим грязное белье. Идем дальше.

Спальня убитой женщины была декорирована в лиловых и серебристых тонах. На шторах повторялся узор из роз, бутонов и распустившихся цветов, а ножки трюмо между двумя окнами драпировал белый тюль. Кровать тоже была белая, огромная и ровная, с белыми же меховыми ковриками по обе стороны, напоминавшими пятна снега на изумрудном поле ковра.

Пока Берден обыскивал трюмо и письменный стол, Вексфорд заглянул в гардероб. Одежды миссис Найтингейл хватило бы для целого бутика, с той лишь разницей, что все вещи тут были одного размера, двенадцатого, как у юной девушки, и все они принадлежали одной женщине.

– Дневника нет, – сообщил Берден от письменного стола. – Пара счетов от портного, из ателье под названием «Таня Тай» на лондонской Брутон-стрит. Оплаченные счета на сто пятьдесят с хвостиком и двести фунтов и один неоплаченный, еще на девяносто пять. Думаю, тут ничего интересного.

Вексфорд передвинулся к трюмо и стал рассматривать баночки крема, бутылочки лосьона и наконец взял флакон с жидкостью, судя по этикетке предназначенной для подтяжки и укрепления мышц лица.

– Изготовлено из желудочного сока коровы! – удивленно воскликнул он. – По крайней мере так написано. – Его лицо смягчилось, стало печальным. – «Зачем такие средства, – процитировал Вексфорд, – расходуешь на свой заемный дом...»¹⁰

– Прошу прощения?

– Просто вспомнился один сонет.

– Вот как? – произнес Берден. – Лично я всегда считал это пустой тратой денег – все равно от старости не убежишь. Не думаю, что она так старалась ради мужа.

– Нет, тут должен быть другой мужчина.

Берден кивнул.

– Вероятно, именно к нему она шла на свидание этой ночью. Ваша версия, сэр? Найтингейл подозревал жену, выследил ее в лесу и убил? А потом сжег свою одежду в костре Палмера?

– Нет у меня никакой версии, – ответил Вексфорд.

Они медленно спустились на первый этаж. Лестница была длинной и пологой, с широкой площадкой между этажами. На площадке окно с алыми занавесками такого же цвета, как розы сорта «Звезда Голландии» в медной вазе на подоконнике; из окна виден сад. Ветер еще не стих; от его резких порывов по живым изгородям пробегала рябь, словно волны на зеленой реке.

– А вот кандидат на третью сторону нашего треугольника. – Вексфорд указал на теплицу.

– Шон Ловелл? – Бердену явно не нравилось предположение шефа и все, что из этого следовало, и он сердито нахмурился. – Садовник? Послушайте, ему не больше двадцати, а она... Неслыханное дело!

– Глупости, – отмахнулся Вексфорд. – Такое происходит сплошь и рядом. Даже ты, если и не читал, должен был слышать о леди Чаттерлей¹¹.

– Так это книга. – Берден обрадовался, что старший инспектор обратился к литературе, а не к реальной жизни за примером того, что сам он считал чудовищным извращением. – Должно быть, там холодно. Думаю, из-за ветра.

– Мы укроемся от холода в теплице.

Шон Ловелл открыл им дверь, и они очутились в атмосфере жарких и влажных тропиков. С крыши свисали корзины с бледными орхидеями, зелеными и лимонно-розовыми, а на стеллажах выстроились ряды кактусов с мясистыми, похожими на лилии цветками. Ароматная влага конденсировалась на холодном стекле, и отовсюду доносился приглушенный звук капли.

Благоухание, жара и яркие краски придавали Шону довольно экзотический вид. Черные как вороново крыло волосы и золотистая кожа намекали на итальянскую или греческую кровь, хотя, скорее всего, достались от цыганских предков. «Вместо джинсов и свитера ему больше подошли бы рубашка с отложным воротником и бриджи как у пирата, – подумал Вексфорд, – а еще красная бандана на голове и золотая серьга в ухе».

– Она была очень милой, настоящая леди, – хрипло произнес Шон и резким движением оторвал мясистый лист зигокактуса. – Такая внимательная и заботливая. И именно ее убили. Как говорит моя старуха, хорошие люди всегда умирают молодыми.

– Миссис Найтингейл была не так уж молода, Ловелл.

¹⁰ У. Шекспир, сонет 146. (Перевод С. Маршака.)

¹¹ Имеется в виду роман Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

На оливковых щеках юноши проступил яркий румянец.

– Всего лишь около тридцати. – Он прикусил губу. – Это же не старость.

Вексфорд не стал возражать. Элизабет Найтингейл тратила столько сил и финансов на свои кремы и средства для подтяжки лица, что теперь, когда она умерла, было бы неблагородно развеивать иллюзии ее поклонников.

– Я бы хотел знать о том, что ты делал вчера вечером. В котором часу ушел отсюда и куда направился?

– Закончил в пять, – угрюмо сказал Ловелл. – Пришел домой к чаю. Я живу в деревне вместе с матерью. Выпил чай и весь вечер смотрел телик.

– У тебя есть девушка?

Вместо прямого ответа парень бросил на Вексфорда хитрый взгляд, сделавшись похожим на греческого пирата.

– Вы видели здешних девушек? По вечерам я смотрю телик или еду в город и слушаю музыкальный автомат в «Карусели». Что еще можно делать в этой дыре?

– Вопросы здесь задаю я, понятно, Ловелл? Значит, ты все время смотрел телевизор, а потом лег спать?

– Точно. Больше не выходил из дома. Можете спросить мою старуху.

– Какие передачи ты смотрел?

– Сначала «Поп-ревю», потом голливудский мюзикл, до десяти.

– Ты лег спать в десять?

– Не помню. Я не помню, что смотрел и когда лег спать. С чего бы? Кажется, мы смотрели телик и после десяти. Да, это был Сэмми Дэвис-младший¹², вот кто. – Смуглое лицо юноши вдруг озарилось почти религиозным восторгом. – Господи, как я хочу стать таким, как он. – Наткнувшись на холодный взгляд Вексфорда, он опустил глаза и пробормотал скороговоркой: – Мне нужно идти. Работа ждет. Старик Уилл будет ругаться.

Он проскользнул мимо Вексфорда и обратился в бегство, задев колючие кактусы. Внезапно в дверях появилась миссис Кэнтрип.

– Обед ждет на кухне, Шон. Я тебя всюду искала. Поторопись, а то совсем остынет.

Воспользовавшись предлогом, Шон выскочил из теплицы и, увидев, что никто его не останавливает, бегом направился к кухне.

– Странно, – сказал Вексфорд. – Вчера вечером по телевизору действительно должны были показывать Сэмми Дэвиса, но в последний момент передачу отменили. Вместо нее поставили какой-то старый фильм. – Он похлопал Бердена по плечу. – Иди пообедай, Майк. Я присоединюсь к тебе, когда смогу.

Он проводил Бердена взглядом, затем почти бегом нагнал миссис Кэнтрип.

– В доме есть еще жильцы или работники, с которыми я не беседовал?

– Нет, сэр.

Судя по ее виду, экономка еще не оправилась от шока и бразды правления норовили выскользнуть из ее рук.

– Хотите перекусить? – робко поинтересовалась она. – Вместе с другим джентльменом из полиции?

– Нет, благодарю вас. – Вексфорд поддержал ее под локоть, помогая подняться по ступенькам террасы. – Но вы можете мне кое-что рассказать. У миссис Найтингейл были друзья? Кто приезжал в поместье?

Казалось, миссис Кэнтрип была польщена и горда тем, что ее считают ценным работником, пользующимся доверием хозяев.

¹² Сэмюел Джордж «Сэмми» Дэвис-младший – американский эстрадный артист, певец, киноактер и телеведущий.

– Миссис Найтингейл была не из тех женщин, сэр, что весь день сплетничают или болтают по телефону. Дамы, которые к ней приезжали, всегда были заняты делом, устраивали ярмарки, любительские состязания по конному спорту – вы понимаете, о чем я. Еще... – В ее голосе появилась печальная торжественность. – Еще, сэр, на ужин приезжали *их* друзья, сэр Джордж и леди Ларкин-Смит, мистер и миссис Праймеро, местная знать.

– А джентльмены? Не смущайтесь, миссис Кэнтрип. В наше время у леди могут быть друзья-мужчины без... всякого такого.

Экономка решительно покачала головой.

– Ее друзья были их общими друзьями, сэр, – сказала она и с некоторой долей сарказма прибавила: – Что еще вы хотите узнать?

– Только одну вещь. О стирке белья. В чьи обязанности входит менять белье в этом доме, всякие... простыни и полотенца?

– В мои, сэр, – удивилась миссис Кэнтрип.

– А сегодня утром вы не забирали мокрых полотенец из ванной мистера Найтингейла?

– Нет, сэр, точно не забирала. Сегодня утром мне было не до работы – это факт. – Миссис Кэнтрип гордо вскинула голову. – Кроме того, сегодня не тот день. Я меняю постельное белье утром в понедельник, а полотенца – в понедельник и в четверг. Уже много лет, с тех пор как я здесь работаю.

– А не мог ли кто-то другой... – осторожно предположил Вексфорд.

– Не мог, – отрезала миссис Кэнтрип. – Грязное белье складывается в корзину на кухне, и сегодня к ней никто не приближался. Могу поклясться. А теперь, сэр, прошу извинить, но мне нужно подавать ленч. Вряд ли мистер Найтингейл захочет есть, но я должна, как обычно, отправить поднос с едой мистеру Виллерсу... Боже милосердный! Мистер Виллерс! Я совсем забыла о мистере Виллерсе!

Вексфорд смотрел на нее во все глаза.

– Вы хотите сказать, что в доме живет шурин мистера Найтингейла?

– Не то чтобы живет, сэр. – Глаза экономки по-прежнему были вытаращены, красная рука замерла, прижатая к щеке. – Он приезжает каждое утро и сочиняет свои книги в Старом доме. О, сэр, мне кажется, ему никто не сказал!

– Мистер Виллерс должен был видеть, какая тут суматоха.

– Нет, сэр. Из-за тех деревьев из Старого дома ничего не разглядишь – и снаружи тоже. Я должна пойти и сказать ему. И, слава богу, они не были особенно близки. Одно хорошо – ему будет легче перенести.

Миссис Кэнтрип поспешила из кухни почти бегом. Вексфорд смотрел, как она скрылась под аркой живой изгороди, над которой нависали ветки липы с уже тронутыми желтизной листьями. Над ними виднелась пологая крыша Старого дома и голубое небо с белыми пятнами облаков.

Старший инспектор выждал пять минут, потом, повторяя путь миссис Кэнтрип, зашагал по дорожке, которая привела его на маленький мощеный дворик с небольшим квадратным прудом в центре. В темной прозрачной воде под плоскими блестящими островками листьев лилий плавал карп.

Дворик утонул в густой тени окружавших его деревьев. Их корни высосали все соки из узких бордюров, на которых ничего не росло, кроме чахлых, лишенных цветов растений, отчаянно и безнадежно тянущихся вверх в надежде выбраться на солнце. Вероятно, миссис Кэнтрип вошла в старинный дом – на взгляд Вексфорда, ему было не меньше четырехсот лет – через распахнутую настежь дверь из красного дуба. Рядом со ступеньками стояла черная металлическая скребница для обуви в виде петуха с расправленными крыльями. Скользнув взглядом поверх окон, решетки на которых были увиты плющом, Вексфорд заметил его собрата, примостившегося на флюгере.

Входя в Старый дом, он понял, что ветер стих.

Глава 4

Помещение, в котором оказался Вексфорд, очевидно, использовалось как кладовая. У стен были сложены пирамидки березовых поленьев, пустые полки над ними ждали нового урожая яблок и груш. Повсюду царили чистота и порядок.

Другой комнаты на первом этаже не было, впрочем, как и признаков присутствия мистера Дэниса Виллерса, и Вексфорд стал подниматься по лестнице. Дубовые ступени привели его к наклонному проходу в толстой стене, напоминавшему туннель. Из-за единственной двери в дальнем конце слышались тихие голоса. Инспектор постучал. Миссис Кэнтрип приоткрыла дверь и прошептала:

– Я сказала ему. Вам от меня еще что-нибудь нужно?

– Нет, благодарю вас, миссис Кэнтрип.

Экономка вышла; лицо ее было пунцовым. Когда она покидала дом, полутьму нижней комнаты прорезал луч света. Помедлив немного, Вексфорд переступил порог кабинета Виллерса.

Преподаватель древних языков не поднялся из-за письменного стола, а лишь повернул к Вексфорду мрачное, застывшее лицо и произнес:

– Доброе утро, старший инспектор. Чем могу быть полезен?

– Это неприятно, мистер Виллерс, но я вас долго не задержу. Несколько вопросов, если не возражаете.

– Разумеется. Может, присядете?

Вексфорд огляделся. Большая, довольно холодная комната, с темными деревянными панелями на стенах. Маленькие окна заслоняют пучки листьев. На полу – квадратный ковер. Мебель – диван с набивкой из конского волоса, два викторианских кресла с кожаными сиденьями, стол с раздвижными ножками и откидной крышкой – вероятно, отслужил свое в главном особняке. Письменный стол Виллерса был завален листами бумаги, раскрытыми справочниками, жестяными коробочками из-под скрепок, пустыми сигаретными пачками. С одного края примостилась стопка новеньких книг, одинаковых, таких же, как Вексфорд видел на прикроватном столике Найтингейла: «Влюбленный Вордсворт» Дэниса Виллерса, автора «Вордсворт в Грасмире» и «Нет ничего прекрасней».

Прежде чем сесть, Вексфорд взял верхнюю книгу из стопки, точно так же, как брал книгу в спальне, но на этот раз не пролистал, а перевернул, чтобы рассмотреть портрет Виллерса на последней странице суперобложки. Удачный снимок, сделанный несколько лет назад.

Мужчине, который сидел перед ним, бесстрастно наблюдая за этими манипуляциями, на вид было около пятидесяти. «Когда-то, – подумал Вексфорд, – он был белокур и хорош собой, очень похож на убитую сестру, но время или, возможно, болезнь не оставили и следа от былой красоты. Да, скорее всего, болезнь. Такими бывают люди, умирающие от рака». Вексфорд помнил: их лица выглядят изможденными, кожа высыхает и сморщивается, приобретает желтовато-серый оттенок, голубые глаза выцветают, становясь блекло-серыми. В Виллерсе поражали болезненная худоба и абсолютно бескровные губы.

– Я понимаю, какое это для вас потрясение, – начал Вексфорд. – Сожалею, что никто вам не сообщил новость раньше.

Тонкие бесцветные брови Виллерса слегка приподнялись. Лицо было недовольным и надменным.

– Откровенно говоря, – произнес он, – не вижу большой разницы. Мы с сестрой не испытывали друг к другу особой привязанности.

– Могу я спросить почему?

– Можете, и я вам отвечу. Причина в том, что у нас не было ничего общего. Моя сестра была пустоголовой, легкомысленной женщиной, а я... ну, меня не назовешь пустоголовым, легкомысленным мужчиной. – Виллерс опустил взгляд на пишущую машинку. – Тем не менее полагаю, работать сегодня было бы не очень прилично, правда?

– Насколько мне известно, вы с женой провели вчерашний вечер в Майфлит Мэнор, мистер Виллерс?

– Совершенно верно. Играли в бридж. В половине одиннадцатого мы откланялись, поехали домой и легли спать.

Виллерс говорил резко и отрывисто, в его голосе чувствовалось раздражение, готовое прорваться в любую минуту. Он закашлялся и прижал ладонь к груди.

– У меня бунгало около Кластервела. Дорога отсюда вчера вечером заняла около десяти минут. Мы с женой сразу же легли спать.

Очень складно и кратко, подумал Вексфорд. Возможно, отрепетировано заранее.

– Какой показалась вам вчера сестра? Такой же, как обычно? Или была чем-то взволнована?

Виллерс вздохнул. Скорее устало, чем печально, решил Вексфорд.

– Точно такой же, как всегда, старший инспектор. Щедрая хозяйка дома, всеобщая любимица. Бридж у нее всегда отвратителен, но вчера был не хуже и не лучше обычного.

– Вы знали о ее ночных прогулках по лесу?

– Я знал о ее ночных прогулках в парке. Вероятно, ей хватило глупости пойти дальше, и вот чем все закончилось.

– Именно поэтому известие о ее смерти вас не удивило?

– Напротив, очень удивило. И, естественно, потрясло. Но теперь, по зрелом размышлении, это не кажется мне таким уж странным. Одинокая женщина, прогуливающаяся в безлюдных местах, может стать жертвой убийцы. По крайней мере, мне так говорили. Газет я не читаю. Такого рода истории меня не интересуют.

– Вы ясно дали понять, что не любили сестру. – Вексфорд окинул взглядом большую, тихую комнату. – Но в таком случае странно видеть вас в числе тех, кто пользовался ее щедростью.

– Я пользовался щедростью зятя, старший инспектор.

Поблуднев от гнева или иных непонятных Вексфорду чувств, Виллерс вскочил с кресла.

– Желаю вам доброго утра. – Он распахнул дверь, выходившую прямо в черную пасть лестницы.

Вексфорд встал и направился к выходу. Посреди комнаты он вдруг остановился и в изумлении посмотрел на Виллерса. Тот и раньше выглядел хуже некуда – больным, похожим на труп. Но теперь его лицо стало абсолютно белым, лишившись даже своего серовато-желтого оттенка.

Встревоженный, Вексфорд бросился к нему. Виллерс издал какой-то тихий, странный звук и без чувств упал инспектору на руки.

– Итак, что мы имеем, – сказал доктор Крокер, судмедэксперт и приятель Вексфорда. – Элизабет Найтингейл была отлично питавшейся и очень хорошо сохранившейся женщиной лет сорока.

– Сорока одного, – уточнил Вексфорд, снимая плащ и вешая его на крючок за дверь кабинета. – В углу письменного стола его ждали присланные из буфета две порции сэндвичей с говядиной и термос с кофе. Он уселся в большое вращающееся кресло и, с сомнением посмотрев на верхний сэндвич, который начал загибаться по краям, со вздохом принялся за него.

– Причиной смерти, – продолжил врач, – стал проломленный череп и многочисленные повреждения мозга. Как минимум дюжина ударов, причем не очень тупым металлическим

предметом. То есть это не топор или нож, но нечто с острыми краями, в отличие, например, от трубы или кочерги. Смерть наступила – ну, ты знаешь, точное время указать очень сложно, – скажем, между одиннадцатью и часом ночи.

Берден сидел у стены. Над его головой висела официальная карта района Кингсмарк-хэм, на которой темный массив Черитонского леса был похож на силуэт приготовившегося к прыжку кота.

– Осмотр сада и леса пока результатов не дал, – сообщил он. – Как вы думаете, что это могло быть за орудие?

– Это не входит в мои обязанности, Майк, старина.

Крокер подошел к окну и посмотрел вниз, на Хай-стрит. Возможно, знакомый вид показался ему скучным, потому что он дыхнул на стекло и принялся пальцем рисовать какой-то узор, похожий на схему органов дыхания человека.

– Понятия не имею. Может, металлическая ваза или даже кухонная утварь. Декоративная пепельница, каминные щипцы или пивная кружка.

– Думаешь? – презрительно фыркнул Вексфорд, не прекращая жевать. – Парень идет в лес, чтобы убить женщину, вооружившись взбивалкой для яиц или кастрюлей, так? Или малый видит свою жену, которая крутит любовь с другим мужчиной, хватает резную серебряную вазу, которая случайно оказалась у него в кармане, и лупит супругу по голове этой вазой?

– Не хочешь ли ты сказать, – врач был шокирован, – что в числе подозреваемых у тебя значится и Квентин Найтингейл, один из столпов нашего общества?

– Но ведь он тоже человек, правда? И тоже подвержен страстям. Честно говоря, я бы поставил на ее брата, этого Виллерса. Только он выглядит настолько больным, будто не способен управиться с ножом и вилок, не говоря уже о том, чтобы трахнуть кого-нибудь сковородкой.

Вексфорд доел сэндвичи и снял крышку с термоса. Потом глотнул кофе и задумчиво посмотрел на доктора.

– Я говорил с Виллерсом. Помимо всего прочего, он выглядел очень больным человеком. Желтая кожа, дрожащие руки и все такое. А когда я уходил, он упал в обморок. Сначала мне показалось, что Виллерс умер, однако вскоре он пришел в себя, и я отвел его в особняк.

– Виллерс мой пациент. – Крокер стер рисунок ладонью, открыв Вексфорду любимый пейзаж из старинных крыш и старых сассекских деревьев. – Найтингейлы лечатся частным образом у какой-то большой шишки, но Виллерс уже много лет наблюдается у меня.

– И ты, – желчно произнес Вексфорд, – будучи истинным жрецом медицинской веры, намерен свято хранить его диагноз в своем гиппократовском чреве.

– Конечно – было бы что хранить. Дело в том, что он так же здоров, как ты.

Крокер окинул взглядом массивное тело Вексфорда, посмотрел на красные прожилки у него на лбу.

– Даже здоровее, – серьезно прибавил он.

Вексфорд не без труда втянул живот и выпрямился в кресле.

– Удивительное дело. Я подумал, что у него рак; но должно быть, некая душевная мука «снедает жар его ланит»¹³. Вроде угрызений совести. Сколько ему лет?

– Ну... – Доктор Крокер поерзал.

– Эй, брось. Возраст мужчины – это не то, в чем он признается только за стерильной зеленой ширмой какого-нибудь шарлатана психиатра.

– Ему тридцать восемь.

– *Тридцать восемь!* А выглядит на десять лет старше и очень больным. Господи, да по сравнению с ним Майк просто подросток.

¹³ У. Шекспир, «Двенадцатая ночь». (Перевод М. Лозинского.)

Две пары внимательных глаз уставились на Бердена, который скромно отвел взгляд, при этом немного красуясь.

– Не знаю, почему ты настаиваешь, что он болен. Просто много работает, вот и все. В любом случае он не выглядит таким уж больным или старым.

– Сегодня выглядел, – возразил Вексфорд.

– Шок, – предположил доктор. – А чего ты ждешь от человека, который только что узнал о смерти сестры?

– Именно этого и жду, если не считать, что он, похоже, ее смертельно ненавидел. Ты бы слышал, как любящий брат о ней отзывался. Такого неприятного субъекта, как Виллерс, мне уже давненько не попадалось... Ладно, Майк, за дело. Мы должны навестить нескольких дам, которые под воздействием твоей сексуальности и – не побоюсь этого слова – юношеского очарования растают и расскажут все, что нам нужно.

Втроем они спустились в лифте, и на ступеньках участка доктор распрощался с инспекторами. Ветер совсем стих, но Хай-стрит была усыпана мусором, который оставила после себя буря: сломанные ветки, крохотное пустое гнездо зяблика, сброшенное с высокого дерева, черепица со старых крыш.

Брайант выехал из города по дороге на Помфрет, а затем на развилке свернул налево к Майфлит Мэнор. Они проехали мимо Кингсмаркхэмской средней классической школы для мальчиков, больше известной как «заведение для сыновей йоменов¹⁴, горожан и высших сословий, основанное королем Эдуардом Шестым». На летние каникулы вышеозначенные сыновья разъехались, и тюдоровский особняк из бурого кирпича выглядел непривычно заброшенным и аккуратным. Пять лет назад сзади и слева к основному зданию пристроили большое новое крыло – уродину, как называли его реакционеры, – поскольку в последнее время число йоменов и горожан угрожающе возросло, чего нельзя было сказать о высших сословиях.

Здание школы отличалось благородством и изяществом, присущим всем старинным домам, и большинство родителей в Кингсмаркхэме стремились пристроить туда своих отпрысков, решительно отвергая качество образования и удобства единой средней школы в Стовертоне. Кому нужна великолепная научная лаборатория из стекла и стали, зал с батутами или построенный по олимпийским стандартам бассейн, когда можно хвастаться знакомством с древними воротами и стертыми каменными ступенями, на которые ступала (правда, всего один раз) нога сына Генриха Восьмого? Кроме того, если ваш мальчик посещает Королевскую школу, как все ее называют, можно делать вид, что он учится в привилегированном частном заведении, умалчивая, что школа государственная.

Берден, чей сын поступил сюда годом раньше, выдержав сложный экзамен, несколько похожий на тот, что сдают по окончании начальной школы, сказал:

– Здесь преподает Виллерс.

– Латынь и греческий, если я не ошибаюсь?

Берден кивнул.

– У Джона латынь. Кажется, греческий изучают в старших классах. Джон говорит, что Виллерс часто работает после занятий, сидит в библиотеке. Это в новом крыле.

– Собирает материал для своих книг?

– Наверное. В школе замечательная библиотека. Я мало что в этом понимаю, но был там на дне открытых дверей, и она произвела на меня громадное впечатление.

– Джону он нравится?

– Вы же знаете этих мальчишек, сэр, – сказал Берден. – Маленькие чертенята называют его Старой римской виллой. Он умеет призвать их к порядку, я бы так выразился. – Отец, лишь

¹⁴ Йомены – в феодальной Англии лично свободные мелкие землевладельцы, самостоятельно обрабатывающие землю. Вплоть до середины XVII века йомены составляли основную массу английского крестьянства.

сегодня утром откупившийся от сына полукроной, многозначительно прибавил: – Если хотите знать мое мнение, с этими мальчишками нужно быть построже.

Мысленно усмехнувшись, Вексфорд сменил тему.

– Меня интересуют ответы на три главных вопроса, – сказал он. – Почему Квентин Найтингейл принимал ванну в пять утра? Или почему делает вид, что принимал? Почему Шон Ловелл сказал, что вчера вечером смотрел по телевизору передачу, которую отменили в последнюю минуту? Почему Элизабет Найтингейл прекрасно ладила со всеми, кроме единственного брата?

– И почему, если уж на то пошло, у нее не было близких друзей?

– Возможно, были. Мы должны выяснить. Вот и Кластервел. Майк, ты случайно не знаешь, где бунгало Виллерсов?

Берден выпрямился и принялся смотреть в окно.

– Оно за границей деревни, ближе к Майфлиту. Дальше, еще минуту... Притормози, Брайант. Вот, сэр, немного на отшибе.

Слегка нахмурившись, Вексфорд окинул взглядом отдельно стоящее бунгало. Приземистый дом с двумя входами и двумя низкими фронтонами с эркерными окнами.

– Надо бы покрасить, – констатировал Берден, вспоминая свой симпатичный, почти полностью обновленный домик. – Прямо халупа какая-то. И приличный гараж Виллерс мог бы уж себе позволить.

Палисадник представлял собой сплошные заросли астр, причем одного цвета. С одной стороны дома длинная цементная дорожка, вся в трещинах и ямах, вела к сборному асбестовому гаражу с крышей из рубероида.

На дорожке прямо перед асбестовыми дверями стоял «Моррис майнор»¹⁵, недавно вымытый – на кузове виднелись мокрые пятна, а в яме под задним бампером собралась лужица.

¹⁵ Малогабаритный «экономичный» английский автомобиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.